

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ГАРАНТ ЗАЩИТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

В представленном исследовании продовольственная безопасность позиционируется в качестве фундаментального института, обеспечивающего реализацию имущественных и предпринимательских прав участников экономического оборота. Автором аргументируется тезис о том, что стабильность агропромышленного комплекса выступает материальной основой для удовлетворения алиментарных потребностей населения и создания прогнозируемых условий ведения бизнеса. Посредством обработки статистических массивов данных по Республике Беларусь верифицирована индикативная система оценки состояния отрасли, идентифицированы критические отклонения в кадровом и технологическом контурах. Резюмируется, что современная модель продовольственной безопасности приобретает черты имплицитного социального контракта между властью, предпринимательским сообществом и домохозяйствами.

This article interprets food security not merely as a fragment of the national security doctrine, but as a fundamental institutional mechanism guaranteeing the economic rights of individuals and corporate entities. The author proves that the resilience of the food system directly predetermines the exercise of the right to adequate nutrition, entrepreneurial liberty, and investment security. Based on Belarusian empirical evidence, a set of food security metrics with corresponding threshold values is scrutinized; technological and demographic vulnerabilities are detected. The conclusion is drawn regarding the metamorphosis of food security into a format of a tacit social compact synthesizing the aspirations of the state, commercial structures, and consumers.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; защита имущественных прав; критические индикаторы; агропромышленный сектор; Республика Беларусь; нормативные пороги; предпочтения бизнеса.

Key words: food security; economic rights protection; safety indicators; agro-industrial sector; Republic of Belarus; threshold limits; protection of business entities' rights.

Конкурентоспособность национальной экономики и ее резистентность к экзогенным шокам сегодня квалифицируются в качестве базовых условий сохранения политического суверенитета и воспроизводства человеческого капитала. В этой связи дефиниция «экономическая безопасность» утрачивает отраслевую замкнутость, трансформируясь в метакатегорию, кумулирующую потенциал для полноценной реализации конституционных правомочий индивидов и корпоративных структур [1, с. 12].

Приоритетное место в иерархии элементов экономической безопасности объективно занимает продовольственная безопасность.

Ее уникальность заключается в дуализме функциональной нагрузки: с одной стороны, это инструмент насыщения внутреннего рынка качественными продуктами, с другой – стабилизатор институциональной среды для операторов агропродовольственного рынка.

Парадигмальные сдвиги в теории безопасности, спровоцированные цифровизацией и обострением геополитической конкуренции, сместили акценты с военно-силовых методов на экономические регуляторы.

В новой реальности мерилом состоятельности государства выступает его способность обеспечивать ритмичное товародвижение базовых продуктов питания вне зависимости от конъюнктурных колебаний [2, с. 5].

Актуальность исследования продовольственной безопасности сквозь призму гарантий экономических прав продиктована эволюцией самой категории «безопасность».

Из макроэкономической абстракции она конвертировалась в реальный правовой механизм:

– Для граждан – это инструмент реализации права на физическую и ценовую доступность рациона, являющийся базисом для осуществления трудовых прав и права на здоровье.

– Для предприятий – это режим наибольшего благоприятствования, обеспечивающий предсказуемость административного регулирования, сохранность инвестированных активов и паритетность во внешнеэкономических отношениях.

Таким образом, продовольственная безопасность перестает быть исключительно функцией Министерства сельского хозяйства, превращаясь в сквозной правовой режим, пронизывающий все уровни экономической активности [1, с. 290].

Эмпирическая база Республики Беларусь демонстрирует высокую корреляцию между качеством управления продовольственным комплексом и степенью защищенности экономических прав субъектов.

Инструментом такой корреляции выступает формализованная система индикаторов, фиксирующая пороговые состояния, за пределами которых наступает фаза нарушения прав [3–5].

Стратегические ориентиры, зафиксированные в программных документах, акцентируют внимание на необходимости достижения технологического суверенитета АПК и минимизации импортных вливаний.

Реализация данных ориентиров напрямую проектируется на качество жизни граждан: снижение доли расходов на продовольствие в структуре семейных бюджетов трактуется как форма приращения экономической свободы домохозяйств.

Инструментарий государственного воздействия дифференцирован по направлениям:

– нормативное программирование – установление целевых параметров развития отрасли с четкой фиксацией ответственности ведомств;

– антимонопольная защита – селективная поддержка малых форм хозяйствования, направленная на деконцентрацию рынка и защиту от дискриминации;

– инвестиционные гарантии – снижение административной нагрузки и защита титулов собственности на землю и основные средства;

– внешнеэкономическая экспансия – юридическое и логистическое сопровождение экспортеров для нивелирования торговых барьеров.

Применяемая индикативная система позволяет перевести декларации о защите прав в плоскость оперативных управленческих решений. Отклонение параметров от критических отметок служит триггером для включения фискальных или монетарных механизмов стабилизации.

В долгосрочной перспективе ключевым фактором, детерминирующим защищенность экономических прав в агросфере, является уровень научно-технологического развития.

Консервация технологической отсталости автоматически влечет ущемление права хозяйствующих субъектов на справедливую конкуренцию с зарубежными поставщиками и провоцирует сужение сырьевой базы [4, с. 15–22].

Ретроспективный анализ фиксирует наличие деструктивных сигналов: наблюдается редукция числа профильных научных организаций, финансирование НИОКР стагнирует в коридоре 0,5–0,7% от ВВП, что признается недостаточным для генерации прорывных решений. Доминирование прикладных, а не фундаментальных изысканий формирует дефицит «научного задела» будущих периодов.

Кадровый контур также демонстрирует признаки эрозии – старение исследовательского персонала и отток выпускников профильных вузов из профессии ослабляют право сектора на инновационное обновление [1, с. 134].

Именно агропродовольственный рынок является наиболее чувствительным сейсмографом внешних возмущений. Колебания цен на энергоносители, логистические разрывы и эмбарго моментально транслируются в рост себестоимости продукции, снижая покупательную способность населения и маржинальность бизнеса. Следовательно, надежность продовольственной системы становится прокси-переменной уровня защищенности трудовых и имущественных прав.

Диагностика состояния продовольственной безопасности базируется на стратифицированном анализе, дифференцирующем уровни генерации рисков [1, с. 78]:

– Микроуровень (конкретный производитель/переработчик). Индикаторами безопасности выступают коэффициенты ликвидности, фондоотдачи и текучести кадров. Экономически состоятельное предприятие способно своевременно обслуживать обязательства перед наемным персоналом и фискальными органами, тем самым реализуя их правопритязания.

– Мезоуровень (отрасль/регион). Критическими параметрами являются сбалансированность производственных цепочек и наличие мощностей для длительного хранения (элеваторы, холодильники). Деформации на данном уровне блокируют доступ переработчиков к сырью.

– Макроуровень (национальная система). Оценивается через призму самообеспеченности и ценовой динамики. Превышение порога по доле импорта в рознице квалифицируется как нарушение права потребителя на стабильную ценовую среду [3].

– Глобальный уровень. Фиксирует способность государства защищать экономические права экспортеров в условиях санкционных режимов и протекционизма.

В качестве иллюстрации практического применения индикативного подхода [2, с. 12] выступает систематизированный перечень метрик, позволяющих идентифицировать момент перехода от штатного функционирования к фазе нарушения прав.

Для мониторинга и оперативного реагирования в сфере продовольственной безопасности Республики Беларусь [3] может быть использована система специализированных метрик, каждая из которых снабжена целевыми порогами и механизмами управленческой реакции.

Ключевое значение имеет доля импортной компоненты в себестоимости агропродукции: целевым коридором определен уровень до 20–22% на промежуточном этапе и 18–20% на стратегическом горизонте [1].

Превышение этих значений сигнализирует о росте уязвимости к валютным и технологическим шокам, а также о чрезмерной зависимости от внешних поставок [2, с. 134].

Управленческая реакция в данном случае включает меры по локализации производств, техническому перевооружению, лизингу критических узлов и диверсификации поставщиков [4, с. 15–22; 5].

Дополнительным индикатором выступает доля импортной продовольственной продукции в розничных продажах, которая не должна превышать 15% (с целевым ориентиром 14%) [5].

Выход за эти пределы указывает на размывание внутреннего предложения и риск ценовых скачков, что требует настройки торгового режима и наращивания отечественных мощностей [3; 5].

Доля расходов домашних хозяйств на питание рассматривается как индикатор реальной доступности продуктов [2, с. 78]. Целевой уровень установлен не выше 35% (промежуточно) с перспективой снижения до 33% [1]. Рост показателя сигнализирует о снижении доступности и давлении на бюджеты домохозяйств, что требует адресной поддержки населения, стабилизации потребительской корзины и контроля издержек в производственно-сбытовых цепочках [3; 5].

Для оценки физической доступности продовольствия используются целевые уровни самообеспеченности по ключевым видам продукции [3].

Дополнительно контролируются доли отечественной продукции на рынке: для свежих фруктов целевой ориентир установлен на уровне 30%, для рыбы – 17,5% [1]. Отклонение от этих значений указывает на узкие места в сырьевом обеспечении, переработке или хранении, а также на сезонные провалы предложения [2, с. 290].

Реакция предполагает балансировку цепочки «сырье – переработка – хранение» и ввод дополнительных мощностей, включая хранилища с регулируемым температурным режимом [4, с. 15–22; 5].

Интегральная классификация. Уровень продовольственной безопасности оценивается по двум параметрам: энергосодержание рациона и доля импорта. Состояние «оптимальный» соответствует рациону около 3 500 ккал/сутки при доле импорта 15–20%. Состояние «критический»

фиксируется при падении калорийности ниже 2 300 ккал и собственного производства менее 60%. В критической зоне предусмотрено задействование резервов, временное расширение импорта и адресные продуктовые интервенции.

Резервные фонды и запасы. Норматив запасов дифференцируется на «минимальный» и «достаточный» уровни. Падение ниже «минимального» создает риск дефицита и требует срочного импорта или перераспределения. Превышение «достаточного» уровня ведет к неэффективной заморозке оборотных средств и требует оптимизации товаропроводящей сети.

Внешнеторговые индикаторы. Экспортная доля в стоимости произведенных агро- и пищевых товаров должна двигаться к целевому уровню 45%. При этом перекося в сторону экспорта создает риск «высушивания» внутреннего рынка, а отставание – недобор валютной выручки. Регулирование предполагает квотирование или этапность экспорта в сочетании с синхронным наращиванием внутреннего предложения. Соотношение индексов стоимости экспорта и импорта также подлежит мониторингу: целевым является рост экспортного индекса на 2–3% при росте импортного на 5–6%. Нарушение этого баланса сигнализирует о потере ценовой конкурентоспособности и требует поддержки переработки, повышения качества продукции и корректировки товарной структуры внешней торговли.

Факторный анализ статистических показателей за период 2023–2025 гг. позволяет экстраполировать потенциальные сценарии развития правовой среды в агропромышленном комплексе.

В качестве наиболее значимых вызовов, способных ингибировать защиту прав субъектов, выделяются:

– Институциональное сжатие научного сектора. Сокращение количества проектных и селекционных учреждений сужает возможности для реализации права производителей на внедрение инноваций.

– Хроническое недофинансирование R&D. Сохранение доли затрат на науку ниже 1% от ВВП консервирует технологическое отставание, делая бизнес уязвимым перед импортными интервенциями.

– Демографическая яма в аграрной науке. Высокий средний возраст исследователей и отсутствие массового притока молодых специалистов ставят под сомнение возможность воспроизводства интеллектуального капитала.

– Интровертность патентной активности. Преобладание национального патентования над международным лишает белорусских правообладателей возможности монетизировать интеллектуальную собственность на глобальных рынках, что прямо ограничивает их экономические права [1, с. 134].

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что продовольственная безопасность в ее современной интерпретации переросла рамки ведомственной политики.

Сегодня это форма социально-экономического контракта, где обязательства сторон (государства, агробизнеса и потребителей) находятся в неразрывном единстве. Государство делегирует рынку право на производство, бизнес принимает на себя ответственность за насыщение рынка, граждане легитимизируют данную модель через акт потребления.

Устойчивость данного контракта детерминирована качеством правоприменения и восприимчивостью системы к инновациям.

Игнорирование угроз технологического и кадрового характера способно разрушить этот баланс, трансформировав продовольственную независимость в импортную зависимость.

Именно поэтому укрепление триады «образование – наука – производство» является магистральным направлением обеспечения не только продовольственной, но и правовой безопасности государства.

Дальнейшая научная разработка проблематики видится в необходимости нормативной фиксации не только экономических, но и социальных порогов безопасности (уровень доходов сельского населения, доступность социальной инфраструктуры на селе), поскольку без обеспечения прав сельхозтоваропроизводителя как личности невозможна защита его прав как хозяйствующего субъекта.

Список использованной литературы

1. **Социально-экономическое** положение Республики Беларусь, январь-июль 2025 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мн., 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_151999/ (дата обращения: 11.12.2025).

2. **Экономическая** безопасность России : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Богомолова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити-Дана, 2018. – 295 с.